

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ АФРИКИ

Предисловие автора

В отличие от большинства книг здесь нет ни одного вымышленного героя или события. Если кто-либо из читателей сочтет, что я не уделил любви подобающего места, то этот читатель или читательница вольны наделить героев моей повести теми чувствами, которые сами испытывали бы на их месте. Автор стремился создать абсолютно правдивую книгу, чтобы выяснить, может ли такое правдивое изображение событий одного месяца, а также страны, в которой они происходили, соперничать с творческим вымыслом.

Дорогой мистер Дж. Ф.*

Оповестите всех, что вы вымышленный характер, и не ваша вина в том, что писатель наградил вас такой речью. Мы все знаем, как изящно выражаются хорошо воспитанные люди, но всегда найдутся такие, которые — ужас как! — боятся вульгарности. Вы знаете, как следует поступить с теми, кто назовет вас Старик. И помните, я не списывал Старика с вас. Это полностью вымышленный персонаж. В любом случае эта книга посвящается вам, и нам очень вас не хватает.

Э. Х.

* Дж. Ф. — известный профессиональный британский охотник Филип Персиваль (его в романе называют Старик, Джексон Филип и Дж. Ф.).

Часть первая

ОХОТА И РАЗГОВОРЫ

Глава первая

Мы сидели вблизи соляного источника, в укрытии, которое охотники из племени вандеробо сварганили из сучьев и веток, и тут впервые затарахтел мотор грузовика. Пока он был вдали, никто не понимал, что это такое. На какое-то время шум стих, и у нас появилась надежда, что мы ослышались или то просто ветер шумел. Но звук стал опять нарастать, и теперь сомнений не было, мотор почти ревел — все ближе и ближе, пока, захлебываясь перебоями в двигателе, с громкими выхлопами, грузовик не проехал прямо за нашим укрытием к дороге. Один из двух охотников — тот, что любил во все вносить драматизм, — театрально поднялся.

— Все провалилось, — сказал он.

Приложив палец к губам, я жестом усадил его.

— Все провалилось, — повторил он и широко развел руками. Мне он никогда не нравился, а сейчас и подавно.

— Подождем немного, — прошептал я.

М'Кола покачал головой. Я глядел на его лысый черный затылок, а когда он слегка повернулся, мне стали видны в уголках его рта редкие, как у китайца, усики.

— Плохо дело, — сказал он. — *Нарана т'узурт**.

— Давай подождем, — повторил я.

Он снова склонил голову, чтоб не маячить поверх сухих сучьев, и мы сидели в пыльной яме до тех пор, пока не стало так темно, что я уже не мог разглядеть прицел на своем

* Ничего хорошего (*суахили*).

ружье. Антилопы так и не появились. Наш охотник-артист весь издергался. С последними проблесками света он шепнул М'Коле, что в такой тьме уже не постреляешь.

— Да заткнись ты! — одернул его М'Кола. — Бвана* стреляет, когда ты уже ни зги не видишь.

Другой охотник, чему-то учившийся, продемонстрировал свою грамотность, нацарапав острой веткой на черной ноге свое имя «Абдулла». Я не выразил восхищения, и М'Кола тоже бесстрастно отнесся к его усилиям. Спустя некоторое время охотник стер написанное.

Бросив последний взгляд на стремительно уходящий свет, я понял, что толку не будет, даже если до предела раздвинуть ветки.

М'Кола молча ждал.

— Не повезло, — сказал я.

— Да, — согласился он на языке суахили. — Идем в лагерь?

— Идем.

Мы поднялись, вылезли из укрытия и пошли к дороге по твердому песку, нащупывая путь меж деревьями и спутавшимися ветками. В миле отсюда, на дороге, нас ждала машина. Когда мы приблизились, шофер Камау включил фары.

Грузовик все испортил. Днем, оставив автомобиль на дороге, мы осторожно пробрались к солонцу. За день до этого прошел дождь, но не настолько сильный, чтобы затопить солонец, который выглядел как клочок земли меж деревьев, весь изрытый и истоптанный по кругу и с ямками в тех местах, где звери вылизывали соль. Среди прочих следов мы различили вытянутые, сердцевидные свежие следы четырех крупных самцов куду, приходивших лизать соль прошлой ночью, и множество таких же свежих следов антилоп поменьше. Приходил также носорог, и, судя по следам и растоптанным кучкам желтоватого помета, он не пропускал ни одной ночи. Укрытие сооруди-

* Господин (*суахили*).

ли на расстоянии летящей до солонца стрелы, и, сидя там, среди золы и пыли, откинувшись на край ямы, с поднятыми коленями и втянутой в плечи головой, я увидел сквозь тонкие ветви с сухими листьями, как из кустарника вышел и остановился на краю соляного источника небольшой самец антилопы — серый красавец с могучей шейей, его витые рога спиралью сверкали на солнце. Я прицелился ему в грудь, но потом передумал стрелять, боясь спугнуть крупных куду, которые непременно придут в сумерки. Самец услышал шум грузовика раньше нас и мигом скрылся среди деревьев, и все живое, что двигалось в кустах и на равнине или спускалось с холмов, направляясь к солонцу, тоже замерло при звуках металлического лязга и выхлопов. Они придут позже, в темноте, но тогда будет слишком поздно.

И вот теперь автомобиль ехал по плотной песчаной дороге, выхватывая фарами из мрака глаза припавших к земле ночных птиц, они взлетали в панике от надвигавшейся громады, а в стороне жгли костры переселенцы, которые днем тянулись на запад, спасаясь от голода в их местах — тех, что лежали перед нами. Я сидел, упершись прикладом в ботинок и держа ствол под мышкой левой руки, коленями я сжимал бутылку, из которой наливал в железную кружку виски, передавая ее в темноте через плечо М'Колы, тот подливал туда воды из большой фляги, и я с наслаждением выпивал первую, самую вкусную порцию спиртного за день, глядел на густой темный кустарник, ощущал прохладный ночной ветерок и, вдыхая неповторимые ароматы Африки, чувствовал себя абсолютно счастливым.

Впереди горел большой костер, и, когда мы подъехали ближе и поравнялись с ним, я обратил внимание на стоявший у дороги грузовик. Я попросил Камау остановиться и подать назад, и тут в падающем от костра свете я увидел невысокого, кривоногого мужчину в тирольской шляпе, кожаных шортах и расстегнутой рубашке, он стоял в окружении туземцев у грузовика с открытым капотом.

— Помощь не требуется? — спросил я.

— Только если вы механик, — ответил мужчина. — Не приглянулся я этому грузовику. Как и всем остальным машинам.

— Может, регулировка зажигания отказала. Когда вы проезжали мимо нас, слышалось отчетливое постукивание.

— Думаю, все еще хуже. Стучит просто жутко.

— Попробуйте добраться до нашей стоянки, у нас есть механик.

— А это далеко?

— Миль двадцать.

— Попытаюсь утром. Сейчас, слыша этот адский шум у него внутри, боюсь гнать его дальше. Этот грузовик хочет сдохнуть, потому что я ему не нравлюсь. Я тоже от него не в восторге. Впрочем, если сгину я, ему по барабану.

— Хотите выпить? — Я протянул ему фляжку. — Моя фамилия — Хемингуэй.

— Кандиски, — сказал он и поклонился. — Хемингуэй — я уже слышал эту фамилию. Но где? Где я ее слышал? Ах да. Это *dichter**. Вы о поэте Хемингуэе что-нибудь знаете?

— Где вы его читали?

— В «Квершнитт».

— Это я, — признался я, польщенный. «Квершнитт» — немецкий журнал, опубликовавший несколько моих довольно непристойных стихов и один большой рассказ задолго до того, как мне удалось пристроить кое-что в Америке.

— Это удивительно, — сказал мужчина в тирольской шляпе. — Скажите, а что вы думаете о Рингельнаце**?

— Он замечательный.

— Так. Рингельнац вам нравится. Хорошо. А как вы относитесь к Генриху Манну?

— Плохой писатель.

— Вы уверены?

— Читать его невозможно — вот все, что могу сказать.

* Писатель (нем.).

** Иоахим Рингельнац (1883—1934) — немецкий писатель, поэт-сатирик, артист и художник.

— Он просто ни к черту не годится. Вижу, у нас с вами вкусы сходятся. Что вы здесь делаете?

— Охочусь.

— Надеюсь, ваша цель не слоновая кость?

— Нет. Я охочусь на куду.

— Почему вдруг всем понадобилось охотиться на куду? Зачем вам, интеллигентному человеку, поэту, убивать куду?

— Пока я никого не убил, — ответил я. — Хотя выслеживаем их уже десять дней. Если б не ваш грузовик, мы бы одну антилопу сегодня заполучили.

— Да, этот жалкий грузовик. Нет, надо охотиться круглый год. Тогда вы перебьете здесь все, загрузите и, может, раскаетесь. А преследовать какого-то одного зверя — вздор! Зачем вам это?

— Я люблю охоту.

— Ну, если *любите*, тогда конечно. А скажите, что вы думаете о Рильке?

— Я читал только одну его вещь.

— Какую?

— «Корнета»*.

— Вам понравилось?

— Да.

— А я такого не выношу. Снобизм это все. Вот Валери — да. Валери я понимаю, хотя у него снобизма тоже хоть отбавляй. Что ж, хорошо, что вы, по крайней мере, слонов не убиваете.

— Я бы убил какого побольше.

— Побольше — это как?

— С клыками фунтов на семьдесят. Ну, пусть немного меньше.

— Вижу, мы с вами не во всем согласны. И все же, какая радость встретить человека из блестящего окружения прежнего «Квершнитта»! Расскажите о Джойсе — какой он? Мне

* «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» (1906) — прозаическое произведение Райнера Марии Рильке (1875—1926) — одного из самых влиятельных поэтов-модернистов XX в. Родился в Праге, писал по-немецки.

не хватило денег на его книгу. Синклер Льюис — ерунда. Я купил его книги. Нет, не надо, ничего не говорите. Расскажите мне завтра. Ничего, если я разобью лагерь поблизости? Вы здесь с друзьями? А белый охотник у вас есть?

— Я здесь с женой. Мы будем вам рады. Да, с нами один белый охотник.

— А почему вы сейчас без него?

— Он считает, что на куда надо охотиться одному.

— Лучше на них вообще не охотиться. А он кто? Англичанин?

— Да.

— Проходимец?

— Нет. Хороший человек. Вам понравится.

— Ну, вам пора. Я не должен вас задерживать. Может, завтра увидимся. Удивительно, что мы встретились.

— Да, — сказал я. — Завтра надо хорошенько проверить грузовик. Мы можем что-нибудь еще для вас сделать?

— Да нет, спасибо. Спокойной ночи, — сказал он. — Счастливого пути.

— Спокойной ночи, — отозвался я. Мы отъехали, и я видел, как он пошел к костру, делая на ходу знаки туземцам. Я не спросил, зачем ему потребовалось двадцать туземцев, не спросил также, куда он едет. Поразмыслив, я понял, что вообще ничего о нем не узнал. Не люблю задавать вопросы: там, откуда я родом, это считается невежливым. Но здесь мы не видели ни одного белого уже недели две — с тех пор как покинули Бабати и двинулись к югу, и вдруг на богом забытой дороге, где можно встретить — и то случайно — только индийского торговца или переселенцев из голодных районов, я сталкиваюсь с колоритным мужчиной в тирольском костюме, словно сошедшим с карикатуры Бенчли*, и тут оказывается, что он знает твое имя и величает поэтом, читает «Квершнитт», поклонник Иоахима Рингельнаца, хочет говорить о Рильке — ну, не фантасти-

* Роберт Бенчли (1889—1945) — американский журналист и карикатурист, был известен своим едким юмором.

ка?! И словно в довершение этой необыкновенной истории автомобильные фары осветили три конусообразных дымящихся холмика на дороге. Я велел Камау остановиться, и тот, резко затормозив, чуть не въехал в них. Они были в два-три фута вышиной, и, коснувшись одного, я ощутил тепло.

— Тембо, — сказал М'Кола.

Только что перешли дорогу слоны, и на холодном вечернем воздухе от их помета поднимался пар. Прошло немало времени, и мы уже были в лагере.

На следующее утро я встал рано и еще затемно был у другого солонца. Пробираясь сквозь деревья, мы увидели самца куду, при нашем приближении он издал громкий звук, похожий на собачий лай, только более высокий и хриплый, и бесшумно исчез. Некоторое время спустя далеко в кустах послышался треск, но самого зверя мы больше не видели. Незаметно подойти к месту было практически невозможно. Деревья плотно окружали солонец, теперь уже звери были как бы в укрытии, и, чтоб добраться до них, приходилось идти по открытому месту. Единственное, что оставалось, — это подползти в одиночку поближе и на расстоянии двадцати метров отыскать среди переплетенных сучьев просвет, достаточный для выстрела. Правда, оказавшись под защитой деревьев, вы были надежно укрыты, а пришедший к солонцу зверь, напротив, оказывался на открытом месте, откуда до ближайшего укрытия было метров двадцать пять. Мы ждали до одиннадцати, но никто из зверей так и не появился. Тогда, аккуратно притоптав землю вблизи солонца, чтобы в следующий раз увидеть новые следы, мы пустились в обратный путь и шли до дороги две мили. Зная, что их выслеживают, звери приходили сюда только по ночам и оставались до рассвета. Один самец задержался, мы его утром спугнули, что окончательно спутало карты.

Уже десятый день мы выслеживали крупных антилоп, но я до сих пор не видел ни одного достойного экземпляра. Оставалось всего три дня: к нам на север с Родезии шли дожди, и, чтобы не пережить здесь плохую пого-